

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ против РОССИИ»

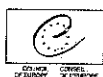
(Жалоба № 22152/05)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

25 сентября 2012 года

Данное постановление вступит в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Оно может подлежать редакторской правке.

В деле «Сергей Соловьев против России»

Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Нина Вайич, *Председатель*

Анатолий Ковлер,

Пер Лоренсен,

Элизабет Штайнер,

Ханлар Гаджиев,

Линос-Александр Сицильянос,

Эрик Мос, *судьи*, и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции Суда*, проведя заседание 4 сентября 2012 года за закрытыми дверями, вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 22152/05) против Российской Федерации, поступившей в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») от гражданина Российской Федерации Соловьева Сергея Юрьевича (далее — «заявитель») 30 мая 2005 года.

2. Интересы заявителя представлял В. Климашин, адвокат, практикующий в Волгограде. Интересы Властей Российской Федерации («Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, заявитель утверждал, в частности, что незаконно содержался под стражей.

4. 29 января 2009 года жалоба была коммуницирована Властям. Также Суд решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (бывший пункт 1 статьи 29).

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель родился в 1982 году и проживает в г. Волгограде.

А. Разбирательство, касающееся содержания заявителя под стражей

6. 10 марта 2003 года заявитель был задержан по подозрению в совершении убийства по неосторожности. В неустановленный день он нанял частного адвоката А.Б.

7. 11 марта 2003 года Красноармейский районный суд г. Волгограда (далее – «районный суд») вынес постановление о заключении заявителя под стражу в следственном изоляторе на основании статей 97-101 и 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – «УПК»).

8. 19 марта 2004 года уголовное дело против заявителя было передано в районный суд, после чего указанный суд неоднократно продлевал срок его содержания под стражей.

9. Постановлением от 21 декабря 2004 года районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 20 марта 2005 года.

10. В неустановленный день марта 2005 года сторона обвинения обратилась в районный суд с ходатайством об очередном продлении срока заключения заявителя в следственном изоляторе; соответствующее слушание было назначено на 17 марта 2005 года.

11. Постановлением от 17 марта 2005 года районный суд отложил заседание по вопросу продления срока содержания заявителя под стражей, поскольку его адвокат, будучи надлежащим образом извещенным о заседании, не явился без объяснения причин. Новое судебное заседание было назначено на 22 марта 2005 года. Заявитель присутствовал на заседании суда, состоявшемся 17 марта 2005 года.

12. В полдень 21 марта 2005 года адвокат заявителя был извещен о дате, времени и месте нового судебного заседания.

13. Постановлением от 22 марта 2005 года районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 20 июня 2005 года. В постановлении, среди прочего, говорилось, что срок содержания заявителя под стражей, санкционированного постановлением от 21 декабря 2004 года, истек 20 марта 2005 года. Согласно протоколу заседания адвокат заявителя не присутствовал и не известил суд о причинах своего отсутствия. На вопрос суда о том, не возражает ли заявитель против рассмотрения вопроса в отсутствие его адвоката, заявитель заявил, что не возражает.

14. В неустановленный день заявитель подал жалобу в Волгоградский областной суд (далее – «областной суд») на то, что содержание его под стражей в период между 20 и 22 марта 2005 года было незаконным, поскольку не было санкционировано постановлением суда. Он также утверждал, что 22 марта 2005 года районный суд рассмотрел вопрос о содержании его под стражей в отсутствие его адвоката. Нет указаний на то, что заявитель также

подал жалобу на предполагаемое неназначение для него районным судом бесплатного адвоката или отложение дела.

15. 26 апреля 2005 года областной суд отклонил жалобу. Он постановил, что доводы заявителя о разрыве между постановлениями о заключении под стражу и рассмотрении вопроса о содержании под стражей в отсутствие его адвоката «не являются существенными» и что районный суд не нарушил соответствующие положения уголовно-процессуального законодательства при продлении срока его содержания под стражей. Что касается отсутствия адвоката, то суд отметил, что А.Б. был надлежащим образом был извещен о судебном заседании 22 марта 2005 года и не ходатайствовал об отложении судебного заседания, соответственно, районный суд правильно решил рассмотреть дело.

Б. Оправдание заявителя и разбирательство о выплате соответствующей компенсации

16. 16 марта 2006 года районный суд оправдал заявителя по всем статьям обвинения и постановил о его освобождении. Приговор гласил, среди прочего, что заявитель вправе потребовать компенсацию материального ущерба и морального вреда, причиненных в результате его уголовного преследования.

17. В неустановленный день в 2007 году заявитель подал иск о выплате компенсации в связи с уголовным преследованием и незаконным содержанием под стражей. В частности, он требовал выплатить ему 736 000 российских рублей в качестве компенсации морального вреда и 177 355 рублей в качестве компенсации материального ущерба.

18. Решением от 6 марта 2007 года районный суд частично удовлетворил требования заявителя, взыскав с Федерального казначейства в его пользу 137 377 рублей в качестве компенсации материального ущерба и 400 000 рублей в качестве компенсации морального вреда. Решение суда в соответствующей части гласит следующее:

«... Принимая во внимание то факт, что [заявитель] был оправдан, а именно, был признан невиновным в совершении особо тяжкого преступления, в котором обвинялся, ... суд считает, что [заявитель] был незаконно подвергнут уголовному преследованию и незаконно содержался под стражей, ..., в результате чего ему был причинен материальный ущерб в виде потери заработной платы и моральный вред в виде нравственных страданий, состоящих в продолжительном стрессе вследствие содержания в следственном изоляторе, ... – особом учреждении со строгим режимом; [и вследствие] ограничения его права на свободу передвижения и опасений за свое будущее...

С учетом того факта, что уголовное преследование [заявителя] было окончено вынесением оправдательного приговора, суд считает очевидным и не требующим дальнейшего доказывания тот факт, что истцу был причинен моральный вред, поскольку вследствие незаконных действий государственных должностных лиц он был лишен своего права на свободу передвижения, а его право выбора места проживания было ограничено.

При оценке размера денежной компенсации суд принимает во внимание степень нравственных страданий [заявителя], связанных с [фактом его] содержания под стражей, включая неизбежные контакты с заключенными, ограничения, связанные с особым режимом следственного изолятора [и] продолжительность содержания [его] под стражей (более 24 месяцев), [которое] произошло в годы юности [заявителя].

В то же время, суд принимает во внимание тот факт, что задержание [заявителя] [и] заключение под стражу и продление срока [его] содержания под стражей были произведены в рамках, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, имелись существенные основания для подозрения и обвинения [его] в совершении особо тяжкого преступления, которое повлекло за собой лишение жертвы жизни; в ходе разбирательств по уголовному делу права [заявителя] на защиту были соблюдены; не установлено фактов ненадлежащих незаконных действий со стороны следственных органов, работников следственного изолятора или судов».

19. В неустановленный день в 2007 году ответчик подал в областной суд кассационную жалобу на решение от 6 марта 2007 года.

20. Определением от 24 мая 2007 года областной суд частично удовлетворил кассационную жалобу. В частности, согласившись с доводами суда первой инстанции, областной суд счел, что «требования статьи 1101 Гражданского кодекса в части обоснованности и справедливости при определении размера компенсации морального вреда», а также «особые обстоятельства дела» требуют сокращения размера компенсации до 100 000 рублей. В остальной части суд оставил решение суда первой инстанции без изменения.

21. 27 августа 2007 года Президиум Волгоградского областного суда рассмотрел дело в надзорном порядке, отменил выводы суда относительно размера компенсации материального ущерба и прекратил производство в этой части. В этой связи суд постановил, что согласно статье 135 УПК требования о компенсации материального ущерба, возникающие вследствие незаконного уголовного преследования, находятся в компетенции уголовных судов и должны рассматриваться в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства.

22. По-видимому, заявителю безотлагательно была выплачена компенсация морального вреда. Нет указаний на то, что он, следуя указаниям Президиума Волгоградского областного суда, обращался в уголовные суды с целью получения компенсации материального ущерба.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. Положения о содержании в следственном изоляторе

23. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года устанавливает, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению (статья 22).

24. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – «УПК») решение о заключении под стражу или продлении сроков содержания в следственном изоляторе в отношении подозреваемого или обвиняемого принимается районным или городским судом на основании обоснованного ходатайства прокурора, на основании соответствующих доказательств (части 1, 3-6 статьи 108 и часть 2 статьи 109).

Б. Право на компенсацию за незаконное уголовное преследование

1. УПК РФ

25. Глава 18 Кодекса регулирует так называемое «право на реабилитацию», которое, среди прочего, подразумевает право гражданина на получение от государства в полном объеме компенсации материального ущерба и морального вреда, причиненных в результате незаконного уголовного преследования независимо от вины органов дознания, прокуроров или судов (часть 1 статьи 133).

26. Право на компенсацию возникает в случае оправдания, а также в ряде иных случаев, когда уголовное преследование прекращается на так называемых «реабилитирующих основаниях», т.е., например, в случае отказа стороны обвинения от преследования, или в случае прекращения уголовного преследования ввиду отсутствия состава преступления, или в случае непричастности лица к совершению преступления (часть 2 статьи 133). Тем не менее, право на компенсацию не распространяется на случаи, когда преследование прекращено на «не реабилитирующих основаниях», таких как амнистия или истечение срока давности (часть 4 статьи 133).

27. В частности, часть 3 статьи 133 предусматривает, что право на компенсацию в соответствии с главой 18 имеет любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

28. В оправдательном приговоре суд обязан явно указать право гражданина на «реабилитацию» (статья 134). Требование о компенсации материального ущерба подается в тот же суд, который

вынес оправдательный приговор или постановление о прекращении уголовного преследования (часть 2 статьи 135), тогда как требование о денежной компенсации морального вреда подается в гражданский суд и рассматривается в соответствии с установленными требованиями Гражданского процессуального кодекса (часть 2 статьи 136).

2. Гражданский кодекс

29. Гражданский кодекс Российской Федерации содержит следующие положения:

Статья 1070: Ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда

«1. Вред, причиненный гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, ... [или] незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу у... возмещается за счет казны Российской Федерации, а в случаях, предусмотренных законом, – за счет казны субъекта Российской Федерации ... в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов ...»

Статья 1100: Основания компенсации морального вреда

«Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда:

... вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности [или] незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу...».

3. Практика Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации

30. В определении № 242-О от 21 апреля 2005 года Конституционный Суд, *inter alia*, установил следующее:

« ... статья 133 [УПК] ... не ограничивает возможность получения лицом возмещения вреда, причиненным незаконным уголовным преследованием, только случаями реабилитации подозреваемого или обвиняемого ...

Соответственно, часть 1 статьи 1070 и часть 3 статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляя, что возмещение материального ущерба и компенсация морального вреда, причиненные гражданину в результате, в частности, незаконного ... заключения под стражу, производятся независимо от вины соответствующих должностных лиц, не связывают принятие решения об этом только с наличием вынесенного в отношении этого гражданина оправдательного приговора ...

Таким образом, действующее законодательство ... не исключает возможность принятия судом решения о возмещении материального ущерба и морального вреда, причиненных гражданину незаконным привлечением его к уголовной ответственности и незаконным применением к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе в случаях, когда органом предварительного

расследования, прокурором или судом не принято решение о полной реабилитации подозреваемого или обвиняемого...»

31. В определении № 47-О-О от 18 января 2011 года Конституционный Суд подтвердил, что статья 133 УПК и соответствующие положения Гражданского процессуального кодекса не ставят принятие решения о возмещении материального ущерба и морального вреда в зависимость от вынесения оправдательного приговора и что и в иных случаях в зависимости от конкретных обстоятельств дела соответствующие положения не исключают возможность принятия судами указанного решения в случае причинения вреда в результате уголовного преследования.

32. Конституционный Суд особо отмечает в определении № 1583-О-О от 17 ноября 2011 года, что в соответствии с частью 3 статьи 133 УПК право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 УПК, имеет любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

33. В постановлении № 17 от 29 ноября 2011 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации дал разъяснения о применении судами положений, касающихся возмещения материального ущерба и морального вреда, причиненных в результате незаконного уголовного преследования. Он отметил, в частности, что при оценке требований о компенсации морального вреда национальным судам необходимо учитывать степень и характер физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями лица, которому причинен вред, и иные обстоятельства, такие как продолжительность судопроизводства в отношении него, длительность и условия содержания под стражей, вид исправительного учреждения, в котором лицо отбывало наказание, а также требования разумности и справедливости. Судам также была разъяснена необходимость излагать данные обстоятельства в своих решениях о возмещении ущерба и вреда.

34. Касательно толкования российскими судами понятия «незаконности» уголовного преследования и содержания под стражей см. постановление Европейского Суда от 19 июля 2007 года по делу «Трепашкин против России» (*Trepashkin v. Russia*), жалоба № 36898/03, пункт 62).

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

35. Заявитель жаловался на основании статей 5 и 6 Конвенции на то, что содержание его под стражей в период между 20 и 22 марта 2005 года было незаконным. Суд считает, что данная жалоба должна быть рассмотрена в рамках подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, которая гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

...»

A. Доводы сторон

36. Власти утверждали, что заявитель более не может считаться «жертвы» вследствие предполагаемого нарушения статьи 5 Конвенции, поскольку национальные суды постановили, что содержание его под стражей было незаконным, и присудили ему компенсацию в размере 100 000 рублей. Они, в частности, утверждали, что суды сочли незаконным весь срок содержания заявителя под стражей, который, согласно доводу Властей, подразумевает также включение периода времени между 20 и 22 марта 2005 года, в отношении которого заявитель подал в Суд жалобу. Власти сделали заключение о том, что национальные органы государственной власти не только признали нарушение прав заявителя, но и предоставили ему соответствующую компенсацию.

37. Заявитель подчеркнул, что национальные суды признали незаконность содержания его под стражей только после вынесения оправдательного приговора, а, когда он подавал жалобу в областной суд на предмет незаконности содержания его под стражей в период между 20 и 22 марта 2005 года, он отклонил его доводы, заявив, что указанное нарушение было «несущественным». Следовательно, заявитель считал, что сохраняет статус «жертвы».

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость

38. Принимая во внимание доводы сторон, Суд, в первую очередь, должен оценить, утратил ли заявитель статус «жертвы» предполагаемого нарушения статьи 5 согласно утверждениям Властей.

39. В этой связи Суд напоминает, что именно национальные органы государственной власти должны первыми предоставлять компенсацию в связи с любым предполагаемым нарушением Конвенции. В то же время, решение или мера, принимаемые в пользу заявителя, не могут, в принципе, быть достаточными для лишения его статуса «жертвы» в рамках статьи 34 Конвенции, за исключением случаев, когда национальные органы государственной власти прямо или косвенно признали нарушение Конвенции и затем предоставили компенсацию за это нарушение (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёфген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*), жалоба № 22978/05, пункт 115, ECHR 2010, с дальнейшими ссылками).

40. Власти утверждали, что следует считать, что выводы национальных судов по делу о компенсации в части незаконности содержания заявителя под стражей, охватывают весь срок его содержания под стражей, включая оспариваемый период времени между 20 и 22 марта 2005 года.

41. В этой связи Суд сразу же отмечает, что у него уже была возможность рассмотреть схожие доводы Властей в ряде дел, затрагивающих «производство по реабилитации», в которых российские суды сочли содержание заявителей под стражей незаконным после вынесения оправдательных приговоров в отношении заявителей (см., например, вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Трепашкин против России», пункты 69-70, и постановление Европейского Суда от 17 июня 2010 года по делу «Щербakov против России» (*Shcherbakov v. Russia*), жалоба № 23939/02, пункты 55-63).

42. В частности, в постановлении по делу «Трепашкин» (*Trepashkin*) Суд указал, что, несмотря на выводы национальных судов о незаконности содержания заявителя под стражей вследствие вынесения ему оправдательного приговора и на то, что суды тщательно не рассматривали его доводы на основании статьи 5 в части нарушений при содержании его под стражей, он готов допустить, что соответствующее постановление, по крайней мере, по существу, содержит признание факта нарушения его прав в соответствии со статьей 5. Суд, подчеркивая, что не будет подходить к делу с чрезмерным формализмом, сделал вывод о том, что «незаконность», установленная национальными судами носила более общий характер, чем «незаконность», указанная заявителем (см. вышеуказанное

постановление Европейского Суда по делу «Трепашкин против России», пункты 69-70).

43. С учетом указанных выше дел и соответствующих положений национального законодательства в толковании национальных судов (см. пункты 25-32 выше) Суд подтверждает, в более общем смысле, что не может исключать того, что оправданный заявитель, который более не содержится под стражей в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 и который надлежащим образом инициировал дело о компенсации и получил компенсацию ущерба и вреда в соответствии с вышеуказанными положениями, может утратить статус «жертвы» от предполагаемого нарушения его прав согласно подпункту «с» пункта 1 статьи 5, при условии, что соответствующие постановления национальных судов отвечают требованиям признания и компенсации, установленным прецедентной практикой Суда. В этой связи он также принимает во внимание определения Конституционного Суда, которые, очевидно, предполагают, что возможность компенсации ущерба и вреда в связи с незаконностью содержания под стражей, помимо всего прочего, не ограничивается случаями вынесения оправдательного приговора (см., в частности, пункты 30-32 выше).

44. Во всяком случае, Суд напоминает, что его задача состоит не в абстрактной проверке соответствия применимого законодательства и практики Конвенции (см., например, постановление Европейского Суда от 29 ноября 1998 года по делу «Броган и другие против Соединенного Королевства» (*Brogan and Others v. the United Kingdom*), пункт 53, Series A № 145-B), а, как уже ранее указывалось, в определении того, может ли заявитель в данном деле продолжать претендовать на статус «жертвы» от предполагаемого нарушения его прав согласно пункту 1 статьи 5 Конвенции.

45. Возвращаясь к обстоятельствам дела и принимая во внимание доводы сторон и решения национальных судов, Суд делает вывод о том, что не может счесть доводы Властей убедительными в силу нижеприведенных причин.

46. Что касается признания предполагаемого нарушения прав заявителя, Суд напоминает, что суть жалобы заявителя состоит в предполагаемой незаконности содержания его под стражей в период между 20 и 22 марта 2005 года в силу отсутствия соответствующего постановления суда. Он также указывает на то, что заявитель в установленном порядке довел свою жалобу до областного суда при оспаривании постановления от 22 марта 2005 года (см. пункт 14 выше), а из постановлений районного и областного судов следует, что обе инстанции не сомневались в существовании оспариваемого разрыва между решениями о заключении под стражу (см. пункты 13 и 15 выше).

47. Тем не менее, областной суд отклонил доводы заявителя как «несущественные», сочтя, что районный суд не нарушал применимых уголовно-процессуальных норм при продлении сроков его заключения (см. пункт 15 выше). Другими словами, остается неясным, признал ли областной суд предполагаемое нарушение прав заявителя вследствие возникновения разрыва между постановлениями о заключении под стражу.

48. Суд также отмечает, что при рассмотрении дела о компенсации, последовавшего за оправданием заявителя, районный суд пришел к выводу, что преследование было незаконным, а также отметил, что он «незаконно содержался под стражей» (см. пункт 18 выше). В то же время и в том же постановлении суд постановил, что «задержание [и] заключение [заявителя] под стражу, а также продление сроков содержания [его] под стражей производились в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством» (там же).

49. С учетом вышеуказанного Суд считает, что выводы национальных судов в делах по вопросу о применении меры пресечения и компенсации причиненного вреда являются неясными и двусмысленными в части признания предполагаемого нарушения прав заявителя. Власти не смогли разъяснить, почему, на их взгляд, Суд при проведении оценки должен отдать предпочтение выводам национальных судов по делу о компенсации, а не по делу о применении меры пресечения, а также не представил никаких разъяснений в части противоречий, содержащихся в указанном выше постановлении районного суда от 6 марта 2007 года. В этой связи Суд особо отмечает, что данное дело необходимо отделить от упомянутого ранее дела «Трепашкин против России», в котором национальные суды недвусмысленно установили незаконность оспариваемого периода содержания заявителя под стражей, прежде чем он был оправдан и получил возмещение вреда в ходе разбирательства по делу о компенсации (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда, пункт 12). Таким образом, у Суда имеются серьезные сомнения относительно того, можно ли сказать, что национальные органы государственной власти хотя бы по существу признали предполагаемое нарушение прав заявителя в этом деле.

50. В любом случае, даже если допустить, что они это сделали, Суд не убежден, что заявителю предоставили надлежащую компенсацию.

51. В этой связи Суд напоминает, что он готов согласиться с тем, что денежная компенсация ущерба и вреда может представлять собой «подходящую» компенсацию для заявителя, который к моменту ее получения более не содержится под стражей (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Трепашкин против России», пункт 72, с дальнейшими ссылками).

52. Остается выяснить, может ли предоставленная заявителю компенсация считаться «достаточной» (см. постановление Европейского Суда от 17 декабря 2009 года по делу «Шилбергс против России» (*Shilbergs v. Russia*), жалоба № 20075/03, пункты 72-74).

53. В этой связи Суд указывает на то, что после отмены решений судов о присуждении компенсации в части материального ущерба, заявитель мог обратиться за компенсацией ущерба в уголовные суды, но нет никаких указаний на то, что он воспользовался этой возможностью (см. пункты 21 и 22 выше). Также он не поднял этот конкретный вопрос в своей жалобе Суду.

54. Что касается возмещения морального вреда, Суд отмечает, что невозможно оценить, было ли оно «достаточным». В частности, при обращении за компенсацией заявитель не жаловался конкретно на разрыв между постановлениями о заключении под стражу (см., в противоположность, вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Трепашкин против России», пункт 12), что Суд не считает необоснованным с учетом того, что областной суд вступившем в силу решением уже отклонил эти доводы, в установленном порядке приведенные заявителем, когда он все еще находился под стражей. Таким образом, тогда как в деле «Трепашкин против России» жалобы заявителя судам на конкретный период содержания его под стражей при рассмотрении дела о компенсации позволяют Суду, в частности, с тем, чтобы ему предоставили возмещение указанного вреда, в данном деле он не может сделать аналогичный вывод. Более того, тогда как в данном деле национальные суды при принятии решения о предоставлении компенсации опирались на содержание заявителя под стражей, суть их выводов касалась, в большей степени, незаконности уголовного преследования заявителя.

55. В итоге, с учетом указанного выше Суд отклоняет довод Властей и постановляет, что заявитель все еще может претендовать на статус «жертвы» от предполагаемого нарушения его прав в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции.

56. Суд также отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции и что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она является приемлемой.

2. Существо дела

57. Суд отмечает, и стороны не оспаривали того, что не было надлежащим образом вынесенного постановления суда относительно содержания заявителя под стражей 21 марта и вплоть до вынесения нового постановления 22 марта 2005 года.

58. В этой связи он напоминает, что для того, чтобы содержание под стражей отвечало требованиям «законности», оно должно

основываться на национальном законодательстве (см., среди многих других прецедентов, постановление Европейского Суда по делу «Худоёров против России» (*Khudoyorov v. Russia*), жалоба № 6847/02, пункт 149, ECHR 2005-X (выдержки)).

59. При рассмотрении жалобы заявителя областной суд пришел к выводу, что его доводы об отсутствии судебной санкции на заключение его под стражу 21 марта 2005 года были «несущественными». Суд не будет подробно останавливаться на конкретном смысле этого утверждения, который остается весьма непонятным. Он, тем не менее, отмечает, что и районный и областной суды признали, что был разрыв между постановлениями о заключении заявителя под стражу.

60. Он также отмечает, что Власти не ссылались ни на какие правовые нормы, позволяющие содержать обвиняемого под стражей по истечении санкционированного срока его заключения (см. там же). Кроме того, из применимых положений национального законодательства следует, что в уголовном процессе полномочиями на продление срока содержания обвиняемого под стражей обладают суды и что это правило не допускает и не предусматривает никаких исключений, вне зависимости от продолжительности срока содержания под стражей (см. пункты 23 и 24 выше; вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Худоёров против России», пункт 149; постановление Европейского Суда от 25 октября 2007 года по делу «Лебедев против России» (*Lebedev v. Russia*), жалоба № 4493/04, пункт 59; ср. постановление Европейского Суда от 30 января 2003 года по делу «Николов против Болгарии» (*Nikolov v. Bulgaria*), жалоба № 38884/97, пункт 85; постановление Европейского Суда от 9 ноября 2010 года по делу «Салаев против Азербайджана» (*Salayev v. Azerbaijan*), жалоба № 40900/05, пункты 46-48). Следовательно, с учетом того факта, что в течение соответствующего периода времени не существовало судебного решения, санкционирующего содержание заявителя под стражей, Суд приходит к выводу о том, что заключение его под стражу 21 марта 2005 года и вплоть до вынесения нового постановления о заключении под стражу 22 марта 2005 года было «незаконным» (см. также постановление Европейского Суда от 31 июля 2008 года по делу «Старокадомский против России» (*Starokadomskiy v. Russia*), жалоба № 42239/02, пункты 62-64).

61. Следовательно, имело место нарушение подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

62. Заявитель также жаловался на основании статей 5 и 6 Конвенции на то, что 22 марта 2005 года районный суд рассматривал ходатайство стороны обвинения о продлении срока содержания его под стражей в отсутствие его адвоката и что он не рассмотрел вопрос о назначении ему бесплатного адвоката или переносе заседания. Суд будет рассматривать эту жалобу в контексте пункта 4 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 31 мая 2011 года по делу «Ходорковский против России» (*Khodorkovskiy v. Russia*), жалоба № 5829/04, пункт 203, и постановление Европейского Суда от 10 января 2012 года по делу «Сокуренок против России» (*Sokurenko v. Russia*), жалоба № 33619/04, пункты 94-95). Пункт 4 статьи 5 гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

63. Суд отмечает, что при рассмотрении дела о содержании под стражей интересы заявителя представлял частный адвокат, а 17 марта 2005 года районный суд решил отложить заседание по делу о содержании заявителя под стражей по причине отсутствия адвоката заявителя. Из соответствующих постановлений суда (см. пункт 11 выше) – и заявитель не оспаривал этого – следует, что его адвокат надлежащим образом был извещен о судебном заседании 17 марта 2005 года, не требовал его переноса и не указывал иных причин, не позволяющих ему присутствовать. Также из имеющихся в распоряжении Суда материалов следует, что адвокат заявителя не присутствовал на перенесенном заседании от 22 марта 2005 года, несмотря на то, что за день был извещен о нем за его подписью (см. пункт 12 выше). Согласно протоколу заседания заявитель, будучи надлежащим образом проконсультированным районным судом, подтвердил, что не возражает против рассмотрения вопроса о содержании под стражей в отсутствие его адвоката (см. пункт 13 выше).

64. Суд напоминает, что рассмотрение дела о применении меры пресечения требует особой срочности, а статья 5 в этой связи не содержит прямых указаний на право обращения к юридической помощи. Разнообразием целей объясняется тот факт, что статья 5 содержит более гибкие процессуальные требования, чем статья 6, тогда как является значительно более жесткой в отношении быстроты. Поэтому, как правило, судья вправе решить не дожидаться, когда заключенный обеспечит себе юридическую помощь, а органы государственной власти не обязаны предоставлять ему бесплатную

юридическую помощь в контексте рассмотрения дела о содержании под стражей (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Лебедев против России», пункт 84).

65. Принимая во внимание вышеизложенное, Суд делает вывод о том, что жалоба заявителя на рассмотрение национальными судами вопроса о содержании под стражей в отсутствие его адвоката является явно необоснованной и должна быть отклонена в силу пункта 1 и подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

66. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

67. Заявитель потребовал 1 000 000 рублей в качестве компенсации морального вреда в связи с его незаконным уголовным преследованием и содержанием под стражей.

68. Власти утверждали, что они не считают, что права заявителя были нарушены, и привели довод о том, что, если Суд придет к выводу о нарушении Конвенции, констатация нарушения будет представлять собой достаточную справедливую компенсацию.

69. Суд напоминает, что размер предоставляемой компенсации морального вреда оценивается с целью обеспечения «компенсации за нравственные страдания, неудобство и неопределенность, вызванные нарушением» (см., например, постановление Европейского Суда от 13 ноября 2007 года по делу «Рамази и другие против Албании» (*Ramahi and Others v. Albania*), жалоба № 38222/02, пункт 99, и постановление Европейского Суда от 4 марта 2010 года по делу «Штукатуров против России» (*Shtukaurov v. Russia*), о справедливой компенсации, жалоба № 44009/05, пункт 13).

70. Он также отмечает, что поскольку заявитель уже потребовал компенсации морального вреда в связи с уголовным преследованием в отношении него, данное преследование не является предметом данной жалобы. Следовательно, его требования в этой части следует отклонить.

71. В то же время, Суд отмечает, что им был сделан вывод о нарушении пункта 1 статьи 5 Конвенции вследствие незаконности содержания заявителя под стражей с 21 марта 2005 года и вплоть до

вынесения нового постановления суда 22 марта 2005 года. Суд считает, что нарушение Конвенции, установленное по делу, не может компенсироваться исключительно признанием факта нарушения, а, следовательно, присуждает заявителю 500 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с этой суммы.

Б. Судебные расходы и издержки

72. Заявитель не выставлял никаких требований в части судебных расходов и издержек. Соответственно, Суд считает, что оснований для присуждения ему какой-либо суммы в этом отношении нет.

В. Проценты за просроченный платеж

73. Суд считает приемлемым то, что процентная ставка по просроченным платежам должна быть установлена в размере предельной учетной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *объявил* жалобу, поданную на основании пункта 1 статьи 5, относительно незаконности содержания заявителя под стражей с 21 марта 2005 года и вплоть до вынесения нового постановления о продлении срока содержания заявителя под стражей 22 марта 2005 года приемлемой, а остальную часть жалобы – неприемлемой;
2. *постановил*, что имело место нарушение подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции;
3. *постановил*
 - (а) что в течение трех месяцев, начиная со дня вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, государство-ответчик обязано выплатить заявителю 500 (пятьсот) евро в качестве компенсации морального вреда, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, с последующим переводом в рубли по курсу на день выплаты;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации с вышеуказанной суммы выплачиваются простые проценты в размере, равном предельной

учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени, плюс три процента;

4. *отклонил* оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 25 сентября 2012 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь

Нина Вайич
Председатель